

Янь Чуаньюнь мягко улыбнулся:

— Толковых людей у меня хватает, но ключевые решения могу принимать только я. Разгребу накопившиеся дела, и можно будет перевести дух. Дня три, не больше, и со всем закончу.

Янь Хань с улыбкой кивнул:

— Вот и славно. Смотри только, не переутомляйся.

— Не буду, — Янь Чуаньюнь опустил глаза и вдруг добавил: — Кстати, брат. Ты ведь знаешь, что я велел искать светил традиционной медицины по всей стране. Сейчас появилось несколько имен, которые, как мне кажется, заслуживают доверия. Что, если я свяжусь с ними и приглашу в Столицу?

Янь Хань на мгновение замер и промолчал.

Янь Чуаньюнь тихо, но твердо продолжил:

— Брат, опускать руки еще рано. Если западная медицина бессильна, обратимся к нашей традиционной. Наше целительство развивалось тысячелетиями. Я верю, что уцелели крупницы истинного знания, способные поставить тебя на ноги. И пусть даже не удастся восстановить их полностью... Если мы сможем хотя бы избавить тебя от боли, разве оно того не стоит? Согласен?

Янь Хань долго и пристально смотрел на младшего брата. В его взгляде промелькнула глубокая, щемящая нежность, смешанная с состраданием. В конце концов он едва заметно кивнул:

— Хорошо. Пусть будет так. Спасибо тебе.

Янь Чуаньюнь тепло улыбнулся:

— О чем ты говоришь, брат? Разве между нами может идти речь об услугах или хлопотах?

Янь Хань лишь слабо улыбнулся в ответ:

— Твоя правда.

Янь Чуаньюнь искренне надеялся на этих врачей. Да и в его личный список случайные люди

попасть попросту не могли — каждый из них считался выдающимся мастером своего дела.

Полмесяца спустя

Однако последующие две недели обернулись сплошным разочарованием. Те редкие, ведущие затворнический образ жизни мастера, чьи имена значились в отчетах, а также самые прославленные светила традиционной медицины, приглашенные со всех уголков Поднебесной, оказались бессильны. Никто из них не сумел даже составить действенный рецепт обезболивающего.

Как в один голос утверждали почтенные старцы, большинство каналов и сухожилий на ногах Янь Ханя уже отмерли, и никакое иглоукалывание или травяные припарки не могли унять этот непрекращающийся ад. Несколько авторитетных профессоров преклонных лет и вовсе вынесли суровый вердикт: если состояние Янь Ханя продлится еще года два, ему грозит ампутация ног от самого бедра — иначе разрушительные процессы просто подкосят его жизнь.

С каждым днем в доме семьи Янь становилось все тише и мрачнее.

Наступила глубокая ночь. На часах было уже одиннадцать вечера, а Янь Чуаньюнь все еще сидел за рабочим столом в своем офисном кабинете. Перед ним лежала пухлая папка с документами. На сей раз эти бумаги не имели никакого отношения к его деловой империи. В них содержались подробные досье на лучших целителей традиционной медицины Поднебесной.

В этой толстой папке уместилось всего три десятка имен. Обычному врачу лечить Янь Ханя было не под силу, поэтому Янь Чуаньюнь отбирал лишь признанных корифеев. И за последние две недели они все, за исключением одного затворника из провинции Шаньси, уже побывали в Столице. Тщетно. Никто не смог спасти его старшего брата. Даже облегчить его страдания удавалось лишь единицам из этой элиты, да и то разница была лишь в оттенках боли — от невыносимой до едва терпимой.

Боль никуда не уходила.

Тонкие, бледные пальцы Янь Чуаньюня перевернули страницу, добравшись до самого конца досье. В документе значилось, что четыре года назад в провинции Шаньси, близ города Сяпин, на горе Тайюань объявился лекарь. Человек этот был весьма молод, но его мастерство поражало воображение — особенно виртуозно он владел искусством акупунктуры серебряными иглами. Он брался лечить немногих, но те, кого он принимал, исцелялись полностью.

Постепенно к нему потянулись люди из соседних городов. Однако при всей своей гениальности этот юный целитель обладал поистине скверным нравом. Он отказывал в помощи без объяснения причин, а его услуги стоили баснословно дорого — причем плату он принимал

далеко не только деньгами.

За последние два года слухи о загадочном лекаре с горы Тайюань, чьего настоящего имени никто так и не смог узнать, гремели по всей провинции. Но отзывы о нем были крайне противоречивыми.

Одни искренне боготворили его и превозносили до небес, другие, даже будучи спасенными, ненавидели всей душой. Были и те, кто не мог выносить его выходок и при каждом удобном случае мечтал натянуть ему мешок на голову и проучить как следует. Словом, дурной характер этого лекаря был столь же знаменит, как и его божественный дар.

Конечно, в этой папке каждый целитель выглядел легендой со своей неповторимой историей. В своих городах все они считались едва ли не святыми.

Янь Чуаньюнь поджал губы. Его взгляд скользнул по строчке «весьма молод» и замер.

Даже признанные патриархи китайской медицины разводили руками. Сможет ли помочь брату этот безродный юнец со скверным характером, объявившийся невесть откуда? У Янь Чуаньюня не было ответа. Но он прекрасно понимал: выбора у него тоже нет.

Все остальные варианты были исчерпаны. Все врачи уже приходили и уходили. Остался лишь этот единственный затворник, который высокомерно проигнорировал их приглашение. И пусть даже этот шаг походил на безумную попытку утопающего схватиться за соломинку, Янь Чуаньюнь обязан был попытаться.

Янь Чуаньюнь не любил медлить. Приняв решение, он мгновенно заучил адрес, указанный в досье, и поднялся на борт частного вертолета, державшего курс на провинцию Шаньси.

Глядя в темное небо за иллюминатором вертолета, Янь Чуаньюнь хранил холодное молчание. Его взгляд оставался сосредоточенным и строгим, а на красивом лице застыла суровая, неприступная маска, державшая любого собеседника на почтительном расстоянии. И лишь его бледные, изящные руки, лежавшие на коленях, выдавали внутреннее напряжение — сквозь тонкую кожу отчетливо проступали костяшки и синеватые вены, подчеркивая его хрупкость. Янь Чуаньюнь обладал яркой, благородной красотой, напоминавшей цветущую на морозе дикую сливу, но от его облика веяло бескрайним одиночеством — словно он был отрезан от всего остального мира невидимой стеной. Это был второй молодой господин влиятельной семьи Янь. На его плечах лежал неподъемный груз — судьба трех поколений семьи, чье возрождение теперь полностью зависело от его решений.

Спустя десять часов полета вертолет приземлился в глухом районе провинции Шаньси, неподалеку от города Сяпин. Часы показывали девять утра. От места посадки до горы Тайюань предстояло добираться еще не меньше часа на машине.

Эти края разительно отличались от сияющей столичной роскоши. Здесь, у самого подножия горного массива, цивилизация словно отступала: дороги превращались в размытые глиняные колеи, а сама гора Тайюань, дикая и угрюмая, таила в себе опасности первозданной природы, куда обычные люди соваться не решались.

Еще через час внедорожник доставил Янь Чуаньюня, двоих телохранителей и местного проводника в деревню Абрикосового Цвета, притаившуюся всего в двух километрах от подножия неприступной горы.

<http://bllate.org/book/18354/1760673>